

RU

Чешско-немецкие и словацко-немецкие культурно-исторические взаимоотношения в современной женской прозе

Князькова В. С., Мироненко А. А., Митяшина Я. В.

Аннотация. В современной чешской и словацкой литературе - прежде всего, в женской прозе - в настоящее время актуален вопрос исторических взаимоотношений с немецкоговорящими нациями. Целью статьи, таким образом, является определение специфики такой прозы и составляющих образа немецкой нации, представленного в ней. Научная новизна исследования заключается как в самом исследуемом материале, ранее не представленном в русскоязычном научном пространстве, так и в рассмотрении данных текстов с точки зрения имагологии. В результате установлено, что художественный образ немецкой нации, созданный писательницами, призван вести к примирению с болезненными историческо-культурными сторонами взаимодействия германских и славянских народов.

EN

The Problem of Czech-German and Slovak-German Cultural and Historical Relations in the Modern Women's Prose

Knyazkova V. S., Mironenko A. A., Mityashina Y. V.

Abstract. The problem of historical relations with German-speaking nations is widely discussed in the modern Czech and Slovak literature, in particular, in women's literature. Thus, the research objectives can be formulated as follows: to reveal the specificity of women's prose, to identify the peculiarities of Germans' image representation. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that Czech and Slovak women's literature has not been previously investigated by domestic researchers and also by the fact that "women's texts" are analyzed from imagological viewpoint. As a result, it is shown that Germans' artistic image created by female writers aims to eliminate painful memories associated with Slavonic-German interactions.

Введение

Уже с IX в. чешская нация находилась в тесном контакте с германской, чешские земли неоднократно оказывались частью преимущественно германских государств, будь то Священная Римская империя (1212-1806), Австрийская или Австро-Венгерская империя (1806-1918). В годы Второй мировой войны чешская часть Чехословакии попала в оккупацию. Этот период вошел в мировую историю как Протекторат Богемии и Моравии. Словаки также всегда находились в тесной связи с немецкоговорящими нациями: со времен Средневековья использовали немецкий язык в качестве официального до кодификации словацкого литературного языка в середине XIX в.; имели общее научно-культурное пространство с Австрией в период нахождения в составе Австро-Венгерской монархии; Германия, Швейцария и, прежде всего, Австрия стали второй родиной для множества словаков, эмигрировавших из Чехословакии в 1968 г. Чехи и словаки и в настоящее время поддерживают активные культурные и деловые контакты с немецкоговорящими странами.

Эта историческая близость не могла не отразиться в языке и литературе этих народов. Как замечает Р. Х. Тугушева (2004), «особую близость чешского и словацкого языков подчеркивают абсолютно тождественные по форме и значению германизмы, которых в этих языках значительно больше, по сравнению с другими славянскими языками» (с. 34).

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в XXI в. среди молодых чешских писательниц наблюдается вспышка интереса к проблеме чешско-немецких отношений, о чем свидетельствует появление в печати нескольких романов, затрагивающих данную тему, в пределах десяти лет. В качестве примера можно привести "Slepá mapa" («Пустая карта», 2013) Алены Морнштайновой, "Peníze od Hitlera" («Деньги

от Гитлера», 2006) Радки Денемарковой, “Vyhnání Gerty Schnirch” («Изгнание Герты Шнирх», 2009) Катержины Тучковой, “Němci” («Немцы», 2012) Якубы КATALПЫ. Словацкое литературное сообщество, неотягощенное ощущением вины за изгнание карпатских немцев (публичное извинение за которое было принесено словацкими политиками ещё в 1991 г.) (25 rokov, 2018, с. 13), однако, тоже проявляет художественный интерес к словацко-немецким взаимоотношениям.

Причиной, по которой к вышеобозначенной тематике обращаются именно писательницы, является в целом всплеск популярности и активности женской прозы в Словакии и Чехии. Как отмечает словацкий литературовед В. Петрик, «есть все основания утверждать, что женская проза во многом разнообразила литературу в плане тематики и поэтики» (Дунайская мозаика, 2009, с. 11-12).

Основными методами исследования, направленными на комплексное изучение материала, являются сравнительно-сопоставительный, метод интерпретации, типологический.

Теоретическую базу исследования составляют работы, посвященные вопросам имагологии (Котова, 2016; Dyserinck, 2003; Lippmann, 1922; Kreisslová, 2013; Pynsent, 1994, 1999; Ulbrecht, Ulbrechtová, 2009). Важным представляется также обращение к работам по проблематике художественного текста (Шмид, 2003; Корман, 1972; Сухих, 2018), в том числе в аспекте переводоведения (Zambor, 2000; Popovič, 1983).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать результаты работы как в преподавании курсов чешской и словацкой литератур, так и в работе над художественным переводом подобного типа текстов.

Основная часть

Чешско-немецкая проблематика широко представлена в книгах чешской писательницы Якубы КATALПЫ (Jakuba Katalpa) (1979). Ее детство прошло на границе Чехии и Германии; история взаимоотношений двух наций в период Второй мировой войны и после нее закономерно легла в основу двух романов Я. КATALПЫ – “Němci” (2012) и “Zuzanin dech” (2020) (романы “Němci” («Немцы») и “Zuzanin dech” («Дыхание Зузаны») на момент написания статьи не переведены на русский язык). В обоих романах чешско-немецкие отношения представлены через парадигму персонажей-женщин, против своей воли оказавшихся в центре катастрофических исторических событий.

Роман “Němci” следует рассматривать в рамках литературного феномена конца XX – начала XXI в., связанного с возвращением в чешское информационное поле и переосмыслением событий принудительной послевоенной депортации немцев из Чехословакии. Депортация, для обозначения которой также используются термины «выселение» и «изгнание», выступает ключевым сюжетобразующим элементом ряда произведений женской прозы, среди которых мы выделяем романы Я. КATALПЫ, К. Тучковой, А. Морнштайновой и Р. Денемарковой. Все романы, рассматриваемые как часть данного феномена, сфокусированы вокруг главных героинь и их переживаний, фоном для которых служат напряженные годы Интербеллума, война и депортация. В них заметны тенденции к экспериментам с текстом и нарративом, многочисленные вставные истории, многомерное повествование, стремящееся охватить как можно более масштабный временной промежуток вокруг «изгнания» с целью обеспечить этим событиям наиболее полный исторический контекст. Одна из главных ролей в повествовании отводится образу немцев как культурного и этнического единства: отказываясь от традиционного восприятия данной нации как фатальных соперников чехов, молодые авторы приходят к собственным выводам, конструируют новый образ нации, более живой и человечный. Роман “Němci” отличает особенно пристальное внимание, уделенное отражению данного образа в современном чешском сознании.

Взаимоотношения между чехами и немцами в романе осложнены расслоением немцев как общности на две категории: немцы Рейха и Судетские немцы, репрезентированные соответственно главной героиней, заступившей на пост учительницы в деревенской школе, и коренными жителями этой деревни. «Изгнание», однако, стирает различия, глазами чехов объединяя немцев в единую общность, попадающую под действие социальной стигмы захватчиков, агрессоров, веками складывавшейся в чешском национальном сознании (Maidl, 1998, с. 299). Главная героиня выступает живым примером того, как складывается и меняется национальный стереотип о немцах: в годы «изгнания» она подвергается гонениям со стороны как государственного аппарата, так и рядовых граждан; десятилетия спустя выросший в чешской среде сын героини помещает на нее новую стигму «отсутствующей матери», которая накладывается на негативное представление о немцах как об этносе и ретранслируется следующему поколению чехов.

“*Svině už zase píše,*” říkával s posměchem. Mluvil o své matce. (Katalpa, 2012, с. 13). / «*Сволочь снова пишет,* усмехался он, говоря о своей матери. (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – В. К., А. М., Я. М.)

“*Mohli jsme jim alespoň poslat to parte,*” řeknu. <...> “*Táta je mrtvej, kurva!*” vykřikne. “*A ty se staráš o posraný Němcoury!*” (Katalpa, 2012, с. 11). / «*Могли бы хоть записку им послать,* говорю я. <...> «*Папа умер, черт побери!*» – кричит брат. «*А ты заботишься о спраной немчуре!*».

Еще один аспект чешско-немецких отношений раскрывается в романе через образ Судетских немцев, идентичность которых балансирует между двумя культурами. Уникальное положение выходцев из Судет неоднократно подчеркивается в тексте романа: жители деревни дистанцируются от героев, прибывших из сердца Рейха; в деревне распространены смешанные семьи, деревенские дети свободно разговаривают на чешском языке,

взрослые – на непонятном для чужеземцев наречии. Народ Судет, столетиями деливший землю с чешским, воспринял и впитал в себя и его черты, словно зависнув между славянским и германским полюсами.

Takže možná u vnuků vašich dětí se zapomeně na to, že nejsou odtud (Katalpa, 2012, с. 172). / Так вот, разве что, когда у ваших детей пойдут внуки, здесь забудут, что вы не местная.

<...> občas k nám přijedou rodiče a já je nedokážu přimět k tomu, aby na děti mluvili německy (Katalpa, 2012, с. 181). / <...> иногда к нам приезжают родители, не могу же я их заставить говорить с детьми на немецком.

Její spolucestující si povídali, dialektem, z něhož dokázala rozluštit jen pár slov (Katalpa, 2012, с. 185). / Ее попутчики говорили между собой на диалекте, в котором ей удалось разобрать только пару слов.

<...> pokusil se s některými z nich zapříst rozhovor, záhy však zjistil, že mluví nesrozumitelným dialektem a nedůvěřivě si ho měří... (Katalpa, 2012, с. 236). / <...> с некоторыми он попробовал завязать разговор, но вскоре заметил, что они говорят на непонятном наречии и смотрят на него настороженно...

В первой и последней частях романа нарратором выступает внучка главной героини, носительница чешской культурной идентичности и немецкой этничности. Она принимает непосредственное участие в событиях романа, что позволяет классифицировать героиню как диететического рассказчика (Шмид, 2003, с. 46), организирующего своей личностью текст (Корман, 1972, с. 33-34).

Ее образ – еще один канал, через который транслируется взгляд писательницы на чешско-немецкие взаимоотношения как на сложную связь, нуждающуюся в изучении и переосмыслении. Детство и юность героини прошли в атмосфере неприязни к немцам, культивируемой ее отцом, сыном героини-немки. Смерть отца побудила ее обратиться к истории своей семьи, восстановить справедливость в отношении ее бабушки, оказавшейся в центре чешско-немецкого конфликта. Будучи немкой по происхождению, она чувствует себя чужестранкой в кругу новоприобретенных родных; путешествие в поисках собственного прошлого приводит ее к выводу о том, что у чехов своя правда, а у немцев – своя, в той же степени ценная и значимая для ее носителей.

Nevím, co řeknu, a automaticky se připravuju k boji; uvědomuju si, že jsem cizinka (Katalpa, 2012, с. 34)... / Я не знаю, что сказать, и на автопилоте готовлюсь защищаться; мне ясно, что здесь я чужестранка...

Každá z nás věřila tomu, čemu věřit potřebovala; já jsem měla doma opuštěného otce, ona podvedenou matku (Katalpa, 2012, с. 409). / Каждая из нас верила в то, в чем нуждалась; у меня дома был оставленный отец, у нее – обманутая мать.

Роман “Němci” исследует чешско-немецкие взаимоотношения в их развитии на протяжении второй половины XX в. и в перспективе развития в XXI в. – перспективе, которая стала возможной благодаря переосмыслению ключевого события, объединяющего обе страны в рамках новейшей истории, – депортации немцев из Чехословакии. Выводы на первый план повествования события из жизни простых людей, как чехов, так и немцев, Я. Кательпа движется в направлении деконструкции сложившегося в чешской культуре стереотипа о немцах, развития в своих соотечественниках эмпатии по отношению к «изгнанным», возвращения последним права на голос и память. Того же курса придерживаются и другие писательницы, чьи произведения подлежат рассмотрению в рамках изучения современной женской прозы, посвященной чешско-немецкой проблематике.

Произведения чешской писательницы Радки Денемарковой (Radka Denemarková) (1968) переводятся на множество языков, сама она часто издает статьи и эссе на немецком, при этом, как она отмечает, для написания художественных произведений предпочитает именно чешский. Более того, писательница говорит о том, что немецкий язык всегда ей очень помогал. Она получала премии в немецкоязычном литературном пространстве, где реакция на ее книги сильно отличалась (<https://deutsch.radio.cz/literatur-darf-nicht-luegen-8135684>).

В своем творчестве Р. Денемаркова обращается к темным и забытым страницам европейской истории. Так, в ее произведениях встречаются такие темы, как изгнание немцев после Второй мировой войны, антисемитизм, патриархальные структуры и связанное с ними насилие в отношении женщин. В романе “Peníze od Hitlera” (2006) Р. Денемаркова ставит в центр проблему чешско-немецких отношений, а именно обращается к табуированной теме возвращения немецких евреев из концентрационных лагерей (роман “Peníze od Hitlera” («Деньги от Гитлера») на русский язык не переведен, немецкий перевод “Ein herrlicher Flecken Erde” (Denemarková, 2009) выполнила Эва Профоусова (Eva Profousová)). Повествование ведется от лица шестнадцатилетней девочки Гиты, потерявшей всю семью и вернувшейся в свой дом, в котором теперь живут чехи. Героине приходится пережить «второй лагерь», который они ей устроили, и затем искать справедливости, вернувшись на родину уже пожилой женщиной.

Интересно, что роман, переведенный на немецкий язык Эвой Профоусовой, имеет иное название, и хотя это достаточно частое явление, здесь оно находит интересную причину. Чешское название романа “Peníze od Hitlera” объясняется следующим: памятник, который Гита хотела построить своему отцу, должен был финансироваться компенсацией узникам концлагерей, что означает, быть воздвигнут на деньги Гитлера.

Немецкое название романа – “Ein herrlicher Flecken Erde”. Сама Радка Денемаркова отмечает, что у нее была большая полемика с издательством о названии романа. Им не хотелось, чтобы имя Гитлера было в названии, так как эта тема и в целом темы, связанные со Второй мировой войной, «надоели немцам». И поскольку в самом деле деньги Гитлера не являются основной темой романа, они выбрали другое, более ироничное название. Интересно, что сама фраза из названия встречается в тексте перевода в том месте, где в оригинале она отсутствует, ср.:

Denisi, díky za pomoc, ale teď už je to záležitost těch, co tu doopravdy zůjou a maj to tu rádi (Denemarková, 2006, с. 89). / Денис, спасибо за помощь, но теперь это дело тех, кто здесь живет и кто любит это место.

Danke für die Hilfe, Denis. Ab jetzt betrifft die Sache nur noch uns, alle, die hier leben und dieses herrliche Fleckchen Erde auch wirklich lieben (Denemarková, 2006, с. 97). / Спасибо за помощь, Денис. С этого момента это касается только нас, нас всех, кто живет здесь и действительно любит это славное место на земле.

Писательница гротескно описывает жестокое отношение чехов к немцам на примере грубого обращения деревенских жителей с Гитой, показывая их нежелание простить прошлое. Жители деревни Пуклице не способны на переоценку событий и анализ собственных действий, они готовы на все, чтобы удержаться на местах, часто при этом поступаясь моралью.

Помимо индивидуальных черт героев писательница придает особое значение их речевой характеристике. Образованные герои, к которым можно отнести Гиту, говорят на литературном языке и тем самым противопоставляются в речи деревенским жителям, говорящим на разговорном языке с различными диалектальными особенностями и большим количеством германизмов.

Ксенофобные настроения жителей деревни выражаются в нарочитом использовании подобных германизмов в речи:

*Tady nejni žádný tvoje doma. Žádněj **haus** už nejni tvuj. Tady už není tvýho nic... Máme jinací starosti, než tady **pauzírovat**. A fuřu práce. Vina tvý **familije** je nezvratná. Podstatná byla a je vobcovací řeč. A **ausgerechnet** u vás se za zavřenyňa dverňa **šprechtilo** vostošest (Denemarková, 2006, с. 30). / Здесь тебе не дома. Дом уже не твой. Здесь уже ничего твоего нет... У нас есть другие заботы, чем здесь с тобой прохлаждаться. И куча работы. Вина твоей семьи необратима. Важна была и есть ваша речь. И как раз у вас за закрытыми дверями говорили вовсю.*

*To je **němlich** to samý. Česká, ale Němka (Denemarková, 2006, с. 43). / Это именно оно и есть. Чешка, но немка.*

*No, já myslím, že tím bychom za celou tou vaší rodinnou patálií mohli **udělat slus** (Denemarková, 2006, с. 108)... / Ну, я думаю, что мы со всей вашей семейной заварушкой могли бы покончить...*

Одной из центральных тем романа является также проблема идентичности героини. О том, что она еврейка, девушка узнает только в лагере, а свою немецкую составляющую она для себя отрицает. Ее вина заключается в языке, на котором она говорила. Рассуждения о роли языков – немецкого и чешского – в жизни главной героини занимают особое место в романе. Героиня ходила в чешскую школу, дома разговаривала не чешском с матерью, на немецком с отцом, сама с собой спорила на обоих языках. Но теперь чешский для нее олицетворяет хоть какую-то надежду на выживание, в то время как немецкий – неминуемую смерть:

Jazykem, kterým promluvíím, se zařadím. Slovy, která z úst vykutálím, se postavím čelem ke zdi, nebo do síku mocných. Veťy promísené s mými slinami mě z příjezdové rampy, z obrovského holého perónu nasměrují buď doleva k plynovým pecím, nebo doprava k naději na přežití (Denemarková, 2006, с. 52). / Язык, на котором я заговорю, меня определит. Слова, которые вырываются с уст, поставят меня лбом к стенке или в строй сильнейших. Предложения, смешанные с моими слюнями, поведут меня с платформы, с огромного голого перрона либо налево к газовым камерам, либо направо к надежде на выживание.

В целом, для романа характерен прием контраста. Так, встречается уже рассмотренная ось свое-чужое / далекое-близкое, где первое связано с прошлым, семьей, заботой, а второе – настоящее с безвыходным одиночеством и пустотой.

Читатель, сопровождая повествование главной героини, испытывает к ней сочувствие, как к жертве насилия сначала со стороны немцев к еврейке, а затем со стороны чехов к немке. Так, Р. Денемаркова обращается к еще более глубокой проблеме – вопросу жертвы и виновника. Как отмечает сама писательница, ее целью было рассказать о несправедливости чешского послевоенного времени и указать на опасность таких обманчивых понятий, как коллективная жертва и коллективный виновник. Р. Денемаркова считает, что проблемой двадцатого века стала проблема жертв, травмированных мужчин и женщин, которые молчали. Писательница попыталась дать голос этим людям (https://www.lidovky.cz/orientace/kultura/chtela-jsem-aby-ta-kniha-byla-zasekla-rybi-kost-v-krku-rika-radka-denemarkova.A210416_153510_in_kultura_ape).

Проблеме послевоенных чешско-немецких отношений в современной чешской литературе посвящается все больше произведений. Однако Р. Денемаркова сама отмечает, что это не единственная проблема романа, это было бы слишком узкое понимание. Своим произведением писательница хочет вернуть значение слову «гуманизм» (https://www.lidovky.cz/orientace/kultura/chtela-jsem-aby-ta-kniha-byla-zasekla-rybi-kost-v-krku-rika-radka-denemarkova.A210416_153510_in_kultura_ape). Это роман о связи времен, возможности прощения, о том, кто должен разбираться с последствиями содеянного, о справедливости и о том, возможна ли она вообще.

Писательница и журналистка Ирена Брежна (Irena Brežná) родилась в Словакии в 1950 г., а в 1968 г. эмигрировала с родителями в Швейцарию. Язык художественных произведений И. Брежной – немецкий, но во многих из них писательница рассматривает болезненные для неё стороны жизни в Словакии, вопросы эмиграции и отношений между народами.

Романы И. Брежной имеют все черты транснациональной литературы (Котова, 2016): автобиографичность, вопросы идентичности, темы эмиграции, взаимоотношения культур, национальных стереотипов, метаязыковые изыскания, культурно-исторические размышления.

В романе “Die beste aller Welten” (2008) представлена словачья действительность 1950-х гг. посредством наивного и одновременно глубокого описания повседневной жизни и личных переживаний девочки-подростка, от лица которой ведется повествование. Описывая тем или иным образом ситуацию в Словакии, взаимоотношения между народами, писательница не называет прямо страны, города, народы и языки, а дает их описательное обозначение. (Роман “Die beste aller Welten” («Лучший из миров») на русский не переведён, словацкий перевод “Na slepačích krídlach” (2007) был осуществлён в соавторстве с самой писательницей с ее немецких рукописей Яной Цвиковой, переводчицей, писательницей и основательницей общества «Аспект». Роман “Die undankbare Fremde” (словацкий перевод “Nevďačná cudzinka”, 2012) переведён на русский язык и издан в 2014 г. под названием «Неблагодарная чужестранка»).

Es ist die Sprache unseres Brudervolkes, mit dem wir in einem Land zusammenleben (Brežná, 2008, с. 61). / *Je to reč nášho bratského národa, s ktorým žijeme v jednej krajine* (Brežná, 2010, с. 80). / *Это язык нашего братского народа, с которым мы живём в одной стране.*

Als Großvater jung war, ging er... und kam in eine große Stadt. Dort gab es die Sprache unserer Unterdrücker (Brežná, 2008, с. 54). / *Keď bol dedko mladý... prišiel do veľkého mesta, kde hovorili rečou našich utláčateľov* (Brežná, 2010, с. 71). / *В молодости дедушка отправился странствовать по свету... и пришёл в один большой город, где говорили на языке наших угнетателей.*

В тексте романа в перефразированной форме упоминаются Словакия, Чехия, Венгрия, Советский Союз, Германия, города Братислава, Тренчин, Будапешт и другие. Описание предельно ясно указывает на ту или иную страну или город, словацкий читатель без труда расшифровывает обозначения государств, народов, их языков и их правителей.

О немецком народе и языке в романе говорится следующим образом:

Dass Großmutter von unseren Feinden abstammt, ist ein Geheimnis. Daher kocht sie ungewürzt, ist mager und diszipliniert. Das sind Eigenschaften unserer Feinde. Wenn es niemand hört, bringt sie mir einen Satz in der Feindessprache bei, die sie zur Weltsprache erklärt (Brežná, 2008, с. 114). / *To, že babka pochádza z našich nepriateľov, je tajomstvo. Preto varí bez korenín je chudá a disciplinovaná. To sú vlastnosti našich nepriateľov. Keď to nikto nepočuje, učí ma v nepriateľskej reči, ktorú vyhlasuje za svetový jazyk, jednu vetu.* (Brežná, 2010, с. 151) / *То, что бабушка происходит из народа наших врагов, это тайна. Поэтому она готовит без приправ, поэтому она стройная и дисциплинированная. Это всё характеристика наших врагов. Когда никто не слышит, она учит меня одному предложению на вражеском языке, который по её мнению является мировым языком.*

Рассказывая об опыте эмиграции в романе «Неблагодарная чужестранка», писательница также использует приём перифраза, упоминая языки, народы, страны, противопоставляя родину и чужбину, характеризуя идентичность жителей страны и эмигрантов:

Das Verrückte an unserer Geschichte war, dass uns unsere besten Freunde überfallen hatten, und auf der Flucht von den Truppen der Verbündeten waren wir in einem Feindesland gestrandet (Brežná, 2012, с. 7). / *Šialené na našom príbehu bolo to, že nás prepadli najlepší priatelia a na úteku pred vojskami spojencov sme uviazli v nepriateľskej krajine* (Brežná, 2014, с. 9). / *Нелепо в нашей истории было то, что мы подверглись нападению лучших друзей и, убегая от войск союзников, очутились во вражеской стране* (Брежна, 2014, с. 8).

Da hatten sie mir Zuflucht in der besten aller Welten geboten, und die undankbare Fremde verspottete ihre Weltanschauung (Brežná, 2012, с. 34). / *Tak oni mi poskytli útočisko v najlepšom zo všetkých svetov a táto nevďačná cudzinka sa vysmieva ich svetonázoru* (Brežná, 2014, с. 39). / *Они раскрыли передо мной двери в лучший из миров, а неблагодарная чужестранка высмеивала их мировоззрение* (Брежна, 2014, с. 49).

Использование перифраза, возможно, является своего рода эвфемизмом для смягчения негативной нагрузки текста для самого автора. Сама Ирена Брежна говорит, что и выбор немецкого языка для литературного творчества основан на сознательном отстранении от того, что было родным и сейчас ощущается как болезненное переживание, преодоление прошлого и поиски новой идентичности: «Да, мне пришлось написать об этом по-немецки, потому что иначе мне бы это не удалось сделать вообще – вытащить воспоминания из глубинных клеток» (Hrdličková, 2012). Используемый здесь системно прием перифраза, сравнивая с интертекстуальностью (Сухих, 2018, с. 26-35), можно охарактеризовать как прием интеркода, когда один культурный код «вкрапляется» в другой культурный код в рамках одного художественного текста.

Одной из главных целей в романах И. Брежной ощущается стремление преодолеть стереотипное восприятие мира периода социализма, прийти к иному мироощущению, осознать свою новую идентичность, перестать мыслить в штампах социалистической Словакии. Пишет И. Брежна, прежде всего, для преодоления себя, отчего, как отмечает сама писательница, немецкая книга более литературная, более абстрактная, более вымышленная (Hrdličková, 2012), чем её словацкая версия. Кроме того, в самом немецком тексте используются вспомогательные лексемы для объяснения некоторых вкраплений и реалий:

Kinder nennen nämlich jede Frau Tante und jeden Mann Onkel (Brežná, 2008, с. 29). / *Дети называют любую женщину тётей, а любого мужчину – дядей.*

...každú ženu totiž voláme teta a každého muža ujo (Brežná, 2010, с. 37). / *...любую женщину мы называем тётей, а любого мужчину – дядей.*

Als Großvater jung war, ging er wie der Held Janko in die Welt (Brežná, 2008, с. 54). / *В молодости дедушка отправился в мир как герой Янко.*

Keď bol dedko mladý, šiel do sveta ako Janík (Brežná, 2010, с. 71). / *В молодости дедушка отправился в мир как Яник.*

Как видно из примеров – а их в обоих романах большое количество, – оригинал становится эксплицитнее, чем перевод, что противоречит традиционному отношению оригинала и перевода (Porovič, 1983, с. 200; Zambor, 2000, с. 45-48). Таким образом, транснациональный роман на языке оригинала воспринимается как перевод, и, наоборот, переводной словацкий текст читается как оригинальное произведение.

Заключение

Рассматривая чешско-немецкие и словацко-немецкие культурно-исторические взаимоотношения сквозь призму современных художественных произведений, можно сделать вывод о том, что литературное сообщество

стремится не только поднять болезненные вопросы межнациональной истории, но и прийти к осознанию ответственности за прошлое и через него достичь примирения и взаимопонимания.

В исследуемых романах образ немецкого народа первоначально возникает как враждебный славянским; с развитием сюжета этот исторически устоявшийся стереотип подвергается сомнению с последующим развенчанием, что соотносится с положением Х. Дизеринка о том, что образы народов, наций являются не «отражением действительных коллективных качеств рассматриваемых сообществ (наций, народов и т.д.), а фикциями» (Dyserinck, 2003). Вводя представителей немецкого народа как полноценных персонажей, каждый из которых наделен уникальными миропониманием и системой ценностей, упомянутые выше авторы способствуют формированию у аудитории собственного взгляда на эту этническую общность, а также критического отношения к стигме, развивавшейся на протяжении нескольких веков. Стереотип, служащий своеобразной защитой от неизвестности, упрощающий процесс восприятия окружающей реальности (Lippmann, 1922), писательницы раскладывают на составляющие и опровергают.

Специфика женской прозы в данном контексте заключается в том, что взаимоотношения с родиной и чужбиной, «своими» и «чужими» переплетаются с взаимоотношениями с семьёй, матерью или дочерью, с восприятием рода, наследственности, семейности. Значительная роль в процессе переосмысления чешско-немецких и словацко-немецких взаимоотношений отводится вопросу идентичности: национальная идентичность героинь размывается как в глазах окружающих, так и в их собственном понимании; тем самым, снижается градус противоречий между народами в целом. Для женской прозы, посвященной славянско-немецкой проблематике, характерен автобиографический элемент, который можно трактовать как самоидентификацию писательниц со своими героинями. Описание универсального женского опыта делает такого рода самоидентификацию доступной для женской части их аудитории, что также способствует установлению связей и укреплению взаимопонимания между славянскими и немецким народами.

Дальнейшее исследование проблемы может направляться двумя путями: имагологическим и литературоведческим (с привлечением материала текстов других славянских авторов для расширения анализа данной тематики) или переводоведческим (для углублённого изучения специфики перевода на иностранные языки подобного типа художественной прозы).

Источники | References

1. Брежна И. Неблагодарная чужестранка. М.: Эксмо, 2014.
2. Дунайская мозаика. Антология словацкой новеллы: сборник: в 2-х кн. М.: МИК, 2009. Кн. 2. Вторая половина XX - начало XXI в.
3. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972.
4. Котова М. Ю. Специфика инокультурного кода в транснациональном романе (на материале прозы Марины Левицкой) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 2.
5. Сухих И. Н. О границах интертекстуальности: чеховский текст и «интертекст» (несколько положений) // Интертекстуальный анализ: принципы и границы: сборник научных статей / под ред. А. А. Карпова, А. Д. Степанова. СПб.: Изд-во С.-Петербур ун-та, 2018.
6. Тугушева Р. Х. Особенности исторического развития лексики чешского и словацкого языков: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2004.
7. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
8. 25 rokov slovensko-nemeckých vzťahov / ed. T. Strážay. Bratislava: Devin, 2018.
9. Brezna I. Die beste aller Welten. Berlin: Edition Ebersbach, 2008.
10. Brežná I. Die undankbare Fremde. Berlin: Kiepenheuer&Wisch, 2012.
11. Brežná I. Na slepačích krídlach. Bratislava: Aspekt, 2010.
12. Brežná I. Nevďačná cudzinka. Bratislava: Aspekt, 2014.
13. Denemarková R. Ein herrlicher Flecken Erde / Übersetzer Eva Profousová. München: DVA, 2009.
14. Denemarková R. Peníze od Hitlera. Brno: Host, 2006.
15. Dyserinck H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity. 2003. URL: https://is.muni.cz/el/1421/podzim2009/NIDCC03_01/um/2_Dyserinck.pdf
16. Hrdličková J. Der Slowakeidiskurs bei Irena Brežná und Zdenka Becker. 2012. URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/125994/1_BrunnerBeitratgeGermanistikNordistik_26-2012-1_13.pdf?sequence=1
17. Katalpa J. Němci. Brno: Host, 2012.
18. Kreisslová S. Konstrukce etnické identity a kolektivní paměti v biografických vyprávěních českých Němců: na příkladu vzpomínek Němců na Chomutovsku. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy v Praze, 2013.
19. Lippmann W. Public Opinion. N. Y.: Harcourt, Brace and Company, 1922.
20. Maidl V. Zobrazení německy mluvících postav v české literatuře po roce 1945 // Obraz Němců Rakouska a Německa v české společnosti 19. a 20. století / eds. E. Broklová, J. Křen. Praha: Karolinum, 1998.
21. Popovič A. Originál-Preklad. Interpretáčná terminológia. Bratislava: Tatran, 1983.
22. Pynsent R. B. Questions of Identity: Czech and Slovak Ideas of Nationality and Personality. N. Y.: Oxford University Press, 1994.
23. Pynsent R. B. What about the Slovaks // Scepticism and Hope. Sixteen Contemporary Slovak Essays / ed. by M. Kollar. Bratislava: Kalligram, 1999.

24. Ulbrecht S., Ulbrechtová H. Die Ost-West-Problematik in den europäischen Kulturen und Literaturen. Ausgewählte Aspekte. Problematika Východ - Západ v evropských kulturách a literaturách. Vybrané aspekty. Praha - Dresden: Slovanský ústav AV ČR; Neisse Verlag, 2009.
25. Zambor J. Preklad ako umenie. Bratislava: Univerzita Komenského, 2000.

Информация об авторах | Author information

RU**Князькова Виктория Сергеевна**¹, к. филол. н., доц.**Мироненко Анастасия Александровна**²**Митяшина Яна Валентиновна**³^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский государственный университет**EN****Knyazkova Viktoria Sergeevna**¹, PhD**Mironenko Anastasia Alexandrovna**²**Mityashina Yana Valentinovna**³^{1, 2, 3} Saint Petersburg University¹ v.knyazkova@spbu.ru, ² st068615@spbu.ru, ³ st068012@student.spbu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.10.2021; опубликовано (published): 30.11.2021.

Ключевые слова (keywords): Ирена Брежна; Радка Денемаркова; Якуба Кательпа; чешская женская проза; словацкая женская проза; Irena Brežná; Radka Denemarková; Jakuba Katalpa; Czech women's prose; Slovak women's prose.